

**БОРИС ПОПЛАВСКИЙ**

**1908 - 1935**

**ДИРИЖАБЛЬ  
НЕИЗВЕСТНОГО  
НАПРАВЛЕНИЯ**

**ПАРИЖ**

---

**1 9 6 5**



*В этом году исполняется 30 лет со смерти Бориса Поплавского.*

*Все стихотворения, вошедшие в этот сборник, печатаются впервые, кроме двух последних, которые были напечатаны в № 10 журнала "ЧИСЛА", в цикле "Дневник Аполлона Безобразова", 1935 г.*

*Вариант стихотворения "Черный и Белый" под заглавием "Двоецарствие" был напечатан в сборнике "ФЛАГИ", стр. 10.*

*Все стихи написаны между 1924 и 1935 гг.*

**НИКОЛАЙ ТАТИЩЕВ.**





Рисовал М. Блон



## УХОД ИЗ ЯЛТЫ

Всю ночь шел дождь. У входа в мокрый лес  
На сорванных петлях калитка билась.  
Темнея и кружась, река небес  
Неслась на юг. Уж месяц буря длилась.

Был на реку похож шоссейный путь.  
Шумел плакат над мокрым павильоном.  
Прохожий низко голову на грудь  
Склонял в аллее, все еще зеленой.

Там над высоким молотом белый пар  
Взлетал, клубясь, и падал в океане,  
Где над скалой на башне черный шар  
Предупреждал суда об урагане.

Над падалью, крича, носились галки,  
Борясь с погодой предвещали зиму.  
Волна с разбега от прибрежной гальки  
Влетала пылью в окна магазинов.

Все было заперто, скамейки пустовали,  
Пронзительно газетчик возглашал.  
На холоде высоко трубы вращали  
И дальний выстрел горы оглашал.

Все было сном. Рассвет не далеко.  
Пей, милый друг, и разобьем бокалы.  
Мы заведем прекрасный грамофон  
И будем вместе вторить как попало.

Мы поняли, мы победили зло,  
Мы все исполнили, что в холоде сверкало,

Мы все отринули, нас снегом замело,  
Пей верный друг и разобьем бокалы.

России нет! Не плачь, не плачь, мой друг,  
Когда на елке потухают свечи,  
Приходит сон, погасли свечи вдруг  
Над елкой мрак, над елкой звезды, вечность.

Всю ночь солдаты пели до рассвета.  
Им стало холодно, они молчат понуро.  
Все выпито, они дождались света,  
День в вечном ветре возникает хмуро.

Не тратить сил! Там глубоко во сне,  
Таинственная родина светает.  
Без нас зима. Года, как белый снег.  
Растут, растут сугробы чтоб растаять.

И только ты один расскажешь младшим  
О том, как пели, плача, до рассвета,  
И только ты споешь про жалость к падшим,  
Про вечную любовь и без ответа.

В последний раз священник на горе  
Служил обедню. Утро восходило.  
В соседнем небольшом монастыре  
Душа больная в вечность уходила.

Борт парохода был высок, суров.  
Кто там смотрел, в шинель засунув руки?  
Как медленно краснел ночной восток!  
Кто думать мог, что столько лет разлуки...

Кто знал тогда... Не то ли умереть?  
Старик спокойно возносил причастье...  
Чтож, будем верить, плакать и гореть,  
Но никогда не говорить о счастье.

## БЕЛОЕ СИЯНИЕ

В серый день у железной дороги  
Низкорослые ветви висят.  
Души мертвых стоят на пороге,  
Время медленно падает в сад.

Где-то слышен на низкой плотине  
Шум минут разлетевшихся в прах.  
Солнце низко купается в тине,  
Жизнь деревьев грустит на горах.

Осень. В белом сиянии неба  
Все молчит, все устало, все ждет.  
Только птица вздыхает без дела  
В синих ветках с туманных высот.

Шум воды голоса заглушает,  
Наклоняется берег к воде.  
Замирает душа, отдыхает,  
Забывает сама о себе.

Здесь привольнее думать уроду  
Здесь не видят, в мученьях, его.  
Возвращается сердце в природу  
И не хочет судить никого.



## ЕКТЕНЬЯ

Про девушку которую мы любим,  
Но все ж не в силах слабую спасти,  
Про ангела которого мы губим,  
Но от себя не в силах отпустить.

За этот мир который мы жалеем,  
Которому не в силах мы помочь,  
За всех кому на свете веселее,  
За всех которым на земле невмочь.

О тех кому темно и одиноко  
За их давно растаявшие сны.  
О небесах спокойно и жестоко  
Сияющих предчувствием весны.

Над нами ночь. Прощай заря востока!  
Нас музыка, как грозная вода  
Несет, ввергая на порогах рока  
В подводный мир Гекаты навсегда.

## ПАМЯТЬ

В лесу был шум спадающих одежд  
Священная душа в больной воде  
Вся обнаженная в росе купалась осень  
Вся отраженная смежала тихо очи  
В лесу был шум немислимый в воде  
Душа была в лазури и нигде.



## В ЛЕСУ

Как тяжело катить стеклянный шар:  
В нем жизнь прошла наедине с собою.  
Осенним ярким солнцем освещен  
Он кажется пустым и золотым.  
Горит трава, в кустах издохли змеи,  
На красный камень бабочка садится,  
Несется поезд, скор на повороте,  
Но нет, не может здесь остановиться.  
В пещере льется чистая вода.  
Глухонемые души слышат звуки.  
А выше снег прекрасный навсегда.  
Чего ж ты ждешь? умой больные руки!  
Звезда Пилата поцелует их.  
Как сон, спокоен лес. Как сон затих.

## НАПРАСНАЯ МУЗЫКА

Вечером ярким в осеннем парке  
Музыка пела: «Вернусь, вернусь».  
Вечером дивно прекрасным и кратким  
Сердце не в силах забыть свою грусть.

Белое лето дождем отшумело,  
Вот уж лазоревый август расцвел.  
Сердце к туману привыкнуть успело,  
К близости долгих метелей и зол.

Слишком прекрасно лазурное небо.  
«Больно мне, больно и я не вернусь».  
Музыка тихо вздыхает без дела,  
Сердце не в силах забыть свою грусть.

## БЕСКОРЫСТЬЕ

Серый день смеркается, все гаснет,  
Медленно идет дождливый год.  
Все теперь напрасно и все ясно,  
Будь спокоен, больше ничего.

Значит, будет так, как обещала  
Страшная вечерняя заря,  
Только не поверил ты сначала,  
Позабыл свой первый детских страх.

Все казалось: столько жизнью бьется,  
В снежном ветре падает на лед,  
Но тебя все это не коснется,  
Ктонибудь полюбит и поймет.

Нет, мой друг. Знакомой уж дорогой  
Так же страшно, так же тонок лед,  
И никто не слышит кроме Бога,  
Как грядущий день в снегах поет.

Серый сад закрыт и непригляден,  
Снег летит над тощею травой,  
Будь же сердцем тверд и непонятен,  
Жди спокойно ранний вечер свой.



## РОМАНС

Изумрудное небо сияет,  
Темен город, таинственен сквер.  
Соломея — душа забывает  
Как похож был твой голос на смерть.

Помню я, Ты пришла из заката  
С черной чашею в тонких руках.  
Вечер в пении белых акаций  
Отходил за рекой в облака.

Все казалось бесцельным и странным.  
Черный рыцарь глаза закрывал.  
Над болотом оркестр ресторанный  
В бесконечной дали проплывал.

Спящий призрак, ведь я не умею  
Разбудить Тебя, я Твой сон.  
Пела, низко склонясь, Соломея  
Над болотной водой в унисон.

Минет время, исчезнет вчерашний  
Чернокрылый призрак земли.  
Буду ждать Тебя в замке на башне,  
Где звезда напевает вдали.

Золотая, иная, живая  
Неразлучна с тобою в веках.  
Спи мой рыцарь, над Ронсевалем  
Так прекрасны огни в облаках.

Чтобы ты не увидел горя,  
Прожил счастливо этот год,  
Брошу черную чашу в море,  
Отойду в сиянье болот.

На горах розовеют годы,  
Все прошедшее близко к весне,  
Где под яркой звездой свободы  
Память спит, улыбаясь во сне.

1929.



## МОЛИТВА

Ночь устала. И месяц заходит.  
Где-то утренний поезд пропел.  
Страшно думать как время проходит,  
Ты ж ни думать, ни жить не успел.

Вечно ищем забыть и забыться,  
Ходим, шутим и карты сдаем.  
На таинственный суд ли явиться?  
Отрешиться ль от страха в пустом?

А потом, на исходе дурмана,  
Видеть бледную, страшную ночь —  
Точно смерт ь из окна ресторана,  
И никто уж не в силах помочь.

Нет, уж лучше при лунном сияньи  
Буду в поле судьбу вспоминать,  
Слушать лай отдаленный в тумане,  
О содеянном зле горевать.

Лучше сердце раскрою, увижу  
Маловерье и тщетную тьму.  
Осужу себя сам и унижу,  
Обращусь беззащитно к Нему.

## ПОЭЗИЯ

Китайский вечер безразлично тих.  
Он, как стихи, пробормотал и стих.  
Он трогает тебя едва касаясь,  
Так путешественника лапой трогал заяц.

Дымится мир над переулком снова  
Она витает, дымная вода  
На мокрых камнях шелково блистает,  
Как молоко сбегает навсегда.

Не верю я Тебе, себе, но знаю,  
Но вижу как непрочны я и Ты,  
И как река сползает ледяная,  
Неся с собою души с высоты.

Как бесконечно трогателен вечер,  
Когда клубится в нем неяркий стих,  
И как пальто надетое на плечи,  
Тебя покой убийственный настиг.

1925.



## ДНИ ПОТОПА

### 1

Шум приближался, огонь полыхал за туманом.  
Что-то мелькало и снова молчали в столовой.  
Лег не раздевшись и руки засунул в карманы,  
В свежесть подушек ушел отрицатель суровый.

Спит и не думает больше, не хочет, не знает.  
Тихо смеркается лампа и вот темнота.  
Жизнь в подземелье огромную книгу читает.  
Книга сияет и плачет, она высока и пуста.

### 2

Где ты, энигматическое сердце?  
Я высоко, я за границей света,  
Где ничего уже вам не поможет,  
Дойти не сможет.  
Кто знает вас тот будет горько плакать,  
Потом уснет в усталости ужасной.  
Уйдет в напрасный  
Звездный сумрак.

Время шумит,  
Счастье молчит.  
Белое пламя бумаги  
Гаснет в ночном саркофаге.  
Кто еще знает о счастье  
Скажи скорей.  
А небо молчит,  
Там время течет до заката,  
Падая к белым бортам корабля Гесперид  
С надписью странной:  
Расплата.  
Сумрак сошел долгожданный.  
Медленный, странный  
Родился страх.



## АВИАТОР

От счетоводства пятен много,  
Пятнист безмерно счетовод,  
Душа же вьется как минога,  
Несется как водопровод.

Она играет на ковре,  
В садах, как на клавиатуре,  
Она гуляет на горе,  
Не расположена к халтуре.

Иль в слишком синей синеве  
Она вздыхает, издыхает.  
Проспась, идет на голове  
И с лестницы друзей порхает.

Так жизнь ее слегка трудна,  
Слегка прекрасна, и довольно.  
Смотри, она идет одна  
По крыше — ей легко и больно.

Как вертел нож-громоотвод  
Ее пронзил, она кружится  
Указывая: север вот —  
Восток, а нам на юг разжиться.

Бесшумно рукавами бьет  
Живой геликоптер-пропеллер.  
Качнулся дом на огород,  
Навстречу к моему веселью.

Я осязаю облака,  
Они мокры и непрозрачны  
Как чай где мало молока,  
Как сон иль человек невзрачный.

Но вдруг хрустальный звон и треск,  
Пропеллер лопнул как попало:  
В него летя наперерез  
Земная стрекоза попала.



## РЕМБРАНДТ

Голоса цветов кричали на лужайке,  
Тихо мельницу вертело время.  
Воин книгу за столом читал.  
А на дне реки прозрачной стайкой  
Уплывали на восток все время  
Облака.  
Было жарко, рыбы не резвились  
Фабрики внизу остановились,  
Золотые летние часы  
С тихим звоном шли над мертвым морем:  
Это воин все читает в книге.  
Буквы в книге плачут и поют.  
А часы вселенной отстают.  
Воин, расскажи полдненным душам,  
Что ты там читаешь о грядущем.  
Воин обернулся и смеется.  
Голоса цветов смолкают в поле.  
И со дна вселенной тихо льется  
Звон первоначальной вечной боли.

## ВЕСНА В АДУ

### 1

Отдаленные звуки неба  
И страшные звуки жизни  
Я сегодня совсем не слышал  
Я сегодня не ел и не пил  
Я сегодня почувствовал жесткий  
Удар посредине сердца  
Я сегодня спустился к черным  
Безмятежным краям пустынь

### 2

Шум автомобиля  
Белый низкий свод  
Вкус тончайшей пыли  
Тишина  
Летом жизнь священна  
Летом счастье брэнно  
Летом вся вселенная  
Насквозь видна  
Звезды и кометы  
Золотое лето  
Слабость отстраненье  
Похороны пенье  
Снежная весна



## КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ ДАЛАЙ-ЛАМЫ

Святым не надо бессмертия  
Они не хотят награды  
Они не ждут не боятся  
Они презирают печаль  
Но оставьте их отвернитесь  
Все легко что касается тления  
Нет награды и нет наказания  
Бескорыстно все безвозвратно  
Все летит в серебре пустынь

## НА ВОСТОК ОТ КАВКАЗА

Сон анемоны был темен, был неподвижен.  
Что ей снится, быть может себя она видит во сне?  
Спящим спокойно, быть может то прошлые жизни  
Спали и видели мы эти жизни в себе.  
Прошлое так безвозвратно, так тихо, так непорочно.  
Как все понятно, как все убаюкано бременем...  
Спит анемона, ей снится — все ждет, все непрочно,  
Все возвращается, отяжелевшее временем.  
Окна уже запотели, как холодно,  
Кажется все достигает покоя.  
Кажется все наконец возвращается к Богу.

## АРМЕЙСКИЕ СТАНСЫ

Ты слышишь, колокол гудет, гудет,  
Солдаты пришли домой.  
Прав кто воюет, кто ест и пьет,  
Бравый, послушный, немой.  
Прав кто оправился, вышел и пал  
Под терновой проволокой сильно дыша,  
А после — в госпиталь светлый попал,  
В толстые руки врача.  
В толстые руки — на белый стол,  
В синие руки — под белый плащ.  
Сладкую маску не снять, хоть плачь,  
Хоть издай человек последний свисток.  
Лежат солдаты в сырой земле,  
Но в атаку идти — из землянки долой.  
Идут солдаты в отпуск, как в бой,  
Возвращаются навеселе.  
С легоньким треском кончают вшей,  
С громким стуком Господь их ловит и давит.  
А потом, поевши холодных щей,  
Ложатся спать — не спать не заставишь.  
Или по линии прямой —  
Равняясь, стоят вдоль своей казармы.  
Но время. Прощай, действительная армия,  
Солдаты пришли домой.  
Солдаты пришли в рай.  
Летит солдат на белых крылах,  
Хвостиком помахивает,  
А внизу сидят старики в домах,  
Им черт твердит: скорей помирай,  
И трясет за плечо прозрачной рукой,  
Будто пьяного, милицейский какой.



## В СУМРАКЕ

В сумраке сирены капитанов  
Огибали темно-синий мыс,  
А на башне, в шорохе каштанов,  
Астроном смотрел в астральный мир.

Важно шли по циферблату числа —  
Маленькие, с синими глазами,  
Тихо пели, пролетая, листья,  
А внизу бежал трамвай с огнями.

Спрашивали карлики на крыше:  
«Ну, а звезды, вечно хороши?»  
Улыбался астроном из ниши,  
А в машине тикали часы.

Числа знали, — звезды умирают,  
И, осиротев, огонь лучей  
Все ж летит по направленью рая,  
В детские глаза летит ничей.

Странно звездам, страшно звездам синим,  
Им, летящим в холоде веков,  
Никогда не встретиться с другими,  
Изойти сиянием стихов.

Только в темном уголке творенья  
Розы осени в садах цветут,  
Соловьи грустят в ночных сиренях,  
В синагоге канторы поют.

На высоких голубых карнизах  
Карлики мечтают о весне.  
Астрономы плачут в лунных ризах  
И к звездам летит больной во сне.

А у пляжа, где деревья дремлют,  
На скамьях влюбленные мечтают  
И смеются, что покинуть землю  
Их над морем трубы призывают.



## НОЧЛЕГ

Ах, чайные живет, но мало веры.  
Есть нежность, но немислима любовь.  
Садятся птицы на деревья сквера  
И скоро улетают в небо вновь.

Вода реки похожа на морскую,  
Душа людей — на ветер или сад,  
Но не покроет улиц, негодую  
И не развеет тучи или град.

Мечты вздымают голову, как парус,  
Но море наше — ох, как далеко!  
Мне умереть? Но если медлит старость,  
Живу, во смерть безудержно влеком.

Так, всюду видя на земле препоны,  
А в небе стражу, что не побороть,  
Я покрываюсь облаков попоной  
И спать ложусь, как кобель у ворот.

## ОТСТУПЛЕНИЕ

Мы бережем свой ласковый досуг  
И от надежды прячемся бесспорно.  
Поют деревья в городском лесу  
И город — как огромная волторна.

Как сладостно шутить перед концом,  
Об этом знает первый и последний.  
Ведь исчезает человек бесследней  
Чем лицедей с божественным лицом.

Прозрачный ветер неумело вторит  
Словам твоим. А вот и снег. Умри.  
Кто смеет с вечером бесславным спорить,  
Остерегать безмолвие зари?

Кружит октябрь, как тот белесый ястреб,  
На небе перья серые его.  
Но высеченная из алебастра  
Овца души не видит ничего.

Холодный праздник убывает вяло.  
Туман идет на гору и с горы.  
Я помню, смерть мне в младости певала:  
Не дожидайся роковой поры.

## СНЕЖНЫЙ ЧАС

Отблеск рая спал на снежном поле,  
А кругом зима уж длилась годы.  
Иногда лишь, как пугливый кролик,  
Пробегала в нем мечта свободы.

Было много снегу в этом мире,  
Золотых дерев под пеленою.  
Глубоко в таинственном эфире  
Проплывало лето стороною.

Высоко в ночи закат пылал,  
Там на лыжах ангел пробегал.  
Он увидел сонный призрак рая  
И заснул, в его лучах играя.

Бедный ангел, от любви очнись,  
Ты на долгий белый путь вернись.  
Сон тебя не знает, он жесток,  
В нем глубоко спит ночной восток.

Я встаю, ответил ангел сонно,  
Я посланец девы отдаленной.  
Я летал по небу без усилья,  
Как же холод заковал мне крылья?

Долго ангел медлил умирая,  
А над ним горела роза рая.



## ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Над статуей ружье на перевес  
Держал закат. Я наблюдал с бульвара.  
Навстречу шла, раскланиваясь, пара:  
Душа поэта и, должно быть, бес.

Они втекли через окно в кафе.  
Луна за ними, и расселась рядом.  
На острове, как гласные в строфе,  
Толпились люди, увлекшись парадом.

Луна присела, как солдат в нужде,  
Но вот заречье уж поднялось к небу.  
И радуясь, как и всегда беде,  
Сейсмографы решили новый ребус.

Упала молния, зажглась в дыму реклама,  
Безумно закричала чья-то дочь,  
Рванулась тень на волю из чулана  
И началась двенадцатая ночь.

Автоматический рояль души  
Всегда готов разлиться звуком жестким.  
Сановная компания, пляши,  
В подземном склепе осыпай известку!

## ПОЭТ ИЗ МОНТЕВИДЕО

(Жюлю Сюпервиелю)

Он на землю свалился, оземь пал,  
Как этого хотел весенний вечер,  
Как в это верил царь Сарданапал.  
Как смел он, как решился, человече!

Как смел он верить в голубой пиджак,  
В оранжевые нежные ботинки  
И в синий-синий галстук парижан,  
В рубашку розовую и в штаны с картинки!

Цвело небес двуполое пальто,  
Сиреневые фалды молча млели,  
И кувыркалось на траве аллеи  
Шикарное двухместное авто.

И, кажется, минуты все минули  
Качнулся день, как выпивший халуй,  
И стало что-то видно, будто в дуле,  
В самоубийстве или на балу.

Качнулся день и вылетел — и вышел  
Я к дому своему, как кот по крыше.

## КЛАДБИЩЕ ПОД ПАРИЖЕМ

Как человек в объятиях судьбы,  
Не могущий ни вырваться, ни сдаться,  
Душа находит: комнаты грубы,  
Гробы — великолепные палаццо.

Вертается умерший на бочек  
Мня: тесновато. Вдруг в уме скачек  
Удар о крышку головою сонной  
И крик (так рвутся новые кальсоны).

Другой мертвец проснуться не желал  
И вдруг, извольте: заживо схоронен!  
Он бьет о доску нежною ладонью  
И затихает. Он смиреет. Тонет.

И вот отравный дух — втекает сон,  
Ширеет гробик, уплывает камень.  
Его несет поток, как пылесос,  
Крутят его, как повара, руками.

И вот сиянье — то небесный град,  
Лучи дрожат, текут и радужатся.  
Сквозь их снопы — сто световых преград —  
Плывет лежащий, чтоб под звуки сжаться,

А вверх и вниз, навстречу и кругом  
Скользят аляповато кирасиры,  
Какие-то плащи, венцы, огонь,  
А сам он тоже ангел, но в мундире.



## ЭПИТАФИЯ

Извержен был, от музыки отвержен  
Он хмуро ел различные супы,  
Он спал, лицом в холодный мох повержен  
Средь мелких звезд различной красоты.

1931

## ЛЕТА

Белое небо. Телеги шумят.  
День раскаленный смеркается глухо.  
Ласточки низко и быстро летят,  
Души измучены летнею мукой.

Тише, мой друг, не суди о грядущем.  
Может быть, Бог о судьбе позабыл,  
Пылью наполнив священные души.  
Смейся: никто никого не любил.

## БЛИЗИТСЯ УТРО, НО ЕЩЕ НЕ НОЧЬ

### 1

Я отравился, я плыву среди пены,  
Я вверх своей нечистотой несом,  
И подо мною гаснет постепенно  
Зловещий уголек — мой адский дом.  
И в красном кубе фабрики над лужей  
Поет фальшиво дева среди колес  
О трудности найти по сердцу мужа,  
О раннем выпадении волос.  
А над ручьем, где мертвецы и залы,  
Рычит гудка неистовый тромбон,  
Пока штандарт заката бледно алый  
С мороза неба просится в альбом.  
И в сумерках октябрьского лета  
Из ядовитой и густой воды  
Ползет костяк огромного скелета,  
Перерастая чахлые сады.

1925

### 2

Не смотри в небеса  
Упадешь в фиолетовый омут  
Будешь жить среди живых  
Как больной позабывший свой дом  
Как звезда на весах

Там с улыбкою гибнут и тонут  
Ты же гибнуть привык  
Образуйся и спой о другом  
Нет мой друг нас огромные звезды сильнее  
Что мы вызвали к жизни  
Больные волхвы темноты  
Все будет светлее пустее святей и больнее  
К священной отчизне  
Уже приложившим персты

1928



## ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ

### 1

Ласточки горят в кафе шумят газеты  
В облаках проходят президенты  
Спички гаснут отцветает лето  
Дождь шумит над полосатым тентом  
Город снова мой.  
Сколько лет душа грустит в притоне  
Слушая чеканный стук шаров  
Бедная душа иных миров  
Иди домой.  
Нет я слаба  
Я здесь в истоме  
Я здесь раба  
Говорите громче ярче звуки  
Я свои рассказываю муки  
Падаю на дно пустых зеркал.

### 2

Слишком рано на яркие звезды  
Горы смотрят и гаснут готовясь к отъезду.  
Возвращаются звезды в тела  
Раскрываются синие бездны  
Там где только что пена цвела.

1928

## РАСКАЯНИЕ

Как черный цвет, как красота руки,  
Как тихое поскребыванье страха,  
Твои слова мне были велики —  
Я растерял их, молодой неряха.

Не поднимайте их, они лежат  
На грязном снеге, на воде страницы,  
Слегка блестят на лезвие ножа,  
В кинематографе сидят, чтоб веселиться.

А здесь, внизу, столпотворенье зол,  
Деревьев стон и перекресток водный,  
Где ядовитый носится озон,  
Опасный дух, прекрасный и холодный.

Горбясь в дожде, в паноптикум иду  
Пишу стихи и оставляю дома,  
Как автомат, гадающий судьбу —  
Автоматический рояль незаведенный.

## ВОЗВРАЩЕНИЕ В АД

(Лотреамону)

Еще валился беззащитный дождь,  
Как падает убитый из окна.  
Со мной шла радость, вод воздушных дочь,  
Меня пыталась обогнать она.

Мы пересекли город, площадь, мост,  
И вот вдали стеклянный дом несчастья.  
Ее ловлю я за цветистый хвост  
И говорю: давайте, друг, прощаться.

Я подхожу к хрустальному подъезду,  
Мне открывает ангел с галуном,  
Дает отчет с дня моего отъезда.  
Поспешно слуги прибирают дом.

Встряхают эльфы в воздухе гардины,  
Толкуются саламандры у печей,  
В прозрачной ванной плещутся ундины,  
И гномы в погреб лезут без ключей.

А вот и вечер, приезжают гости.  
У всех мужчин под фалдами хвосты.  
Как мягко блещут черепа и кости!  
У женщин рыбьей чешуи пласты.

Кошачьи, птичьи пожимаю лапы,  
На нежный отвечаю писк и рев.  
Со мной беседует продолговатый гроб  
И виселица с ртом открытым трапа.



Любезничают в смокингах кинжалы,  
Танцуют яды, к женщинам склонясь.  
Болезни странствуют из залы в залу,  
А вот и алкоголь — светлейший князь.

Он старый друг и завсегда у дома.  
Жена-душа, быть может, с ним близка.  
Вот кокаин: зрачки — два пузырька.  
Весь ад в гостиной у меня, как дома.

Что ж, подавайте музыкантам знак,  
Пусть кубистические запоют гитары,  
И саксофон, как хобот у слона,  
За галстук схватит молодых и старых.

Пусть барабан трещит, как телефон:  
Подходит каждый, слышит смерти пищик.  
Но медленно спускается плафон  
И глухо стены движутся жилища.

Все уже зал, все гуще смех и смрад,  
Похожи двери на глазные щели.  
Зажатый, в них кричит какой-то франт,  
Как девушка под чертом на постели.

Стеклянный дом, раздавленный клешней  
Кромешной радости, чернильной брызжет кровью.  
Трещит стекло в безмолвии ночном  
И Вий невольно опускает брови.

И красный зрак пылает дочки вод,  
Как месяц над железной катастрофой,  
А я, держась от смеха за живот,  
Ей на ухо нашептываю строфы.

## ТАНЕЦ ИНДРЫ

В полдневном небе золото горело,  
Уже стрела часов летела в мрак.  
Все было тихо. Только иностранец  
Опять возобновил свой странный танец,  
Смеясь, таясь и побеждая страх.  
К какому-то пределу рвался он,  
Где будет все понятно и ничтожно,  
И пел Орфей, сладчайший грамофон.  
Старик писал таинственную книгу,  
Там ласточки с бульвара рвались в даль,  
А даль рвалась к танцующему мигу:  
Он выражал собой ее печаль.

## ПО ТУ СТОРОНУ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Я слушаю так далеко не слышно  
Так много снегу за ночь прибывает  
Кто там кричит за ледяной рекой  
Там в снежном замке солнце умирает  
Благославляя желтою рукой  
Как холодно здесь осенью бывает  
Какой покой  
Как далеко один здесь от другого  
Кричи маши так только снег пойдет  
Железная дорога понемногу  
Сползает к морю в бездну на покой  
Вы умерли Прощайте недотроги  
Махнуло солнце жалкою рукой  
Спокойно угадав свою дорогу  
Сойдет в покой  
Здесь холодно бывает слава Богу

## ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ

Сабля смерти шипит во мгле,  
Рубит головы наши и души,  
Рубит пар на зеркальном стекле,  
Наше прошлое и наше грядущее.

И едят копошащийся мозг  
Воробьи озорных сновидений,  
А от солнечного привиденья  
Он стекает, как на землю воск.

Кровью черной и кровью белой  
Истекает ущербный сосуд,  
И на двух колесницах везут  
Половины неравные тела.

Я на кладбищах двух погребен,  
Ухожу я под землю и в небо,  
И свершают две разные требы  
Две колдуньи, в кого я влюблен.

1924



## НА ГРАНИЦЕ

Скучаю я и мало ли что чаю.  
Смотрю на горы, горы примечаю.  
Как стражник пограничный я живу.  
Разбойники мне снятся наяву.

Светлеют пограничные леса,  
Оно к весне — а к вечеру темнеют,  
И черные деревьев волоса  
Расчесывает ветер, рвать не смея.

Бежит медведь: я вижу из окна.  
Идет контрабандист: я примечаю.  
Постреливаю я по ним, скучая.  
Одним ли меньше? Пропасть их одна!

Так чрез границу, под моим окном  
Товары никотинные клубятся.  
А наши — все бывалые ребятца —  
Бегут поймать их, прямо иль кругом.

И я нескучной отдаваясь лени,  
Торговли незаконной сей не враг,  
Жду меж страной гористою добра  
И зла страной, гористою не мене.

## НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

Увы, любовь не делают. Что делать?  
Необходимо для большой ходьбы  
Любить вольно. Но ведь любовь не дело,  
Мы в жизни как поганые грибы.

Мы встретились случайно в кузовке.  
Автомобиль скакнул, дрожа всем телом,  
И прочь побег, как будто налегке.  
А мы внутри своим занялись делом.

Смотрела Ты направо. Я туда ж.  
Смотрел направо я и Ты за мною.  
Медведь ковра к нам вполз, вошедши в раж,  
Я за руку его. Ты за руку рукою.

Но мы потом расстались навсегда,  
Условившись встречаться ежедневно.  
Грибы поганые, нас выбросили гневно  
Обратно в жизнь, не сделавши вреда.

## ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПИСАРЯ

Таинственно занятие писца,  
Бездельничает он невероятно.  
От счастья блеет — хитрая овца,  
Надеется безустали бесплатно.

Он терпеливо предается сну  
(С предателями он приятель первый),  
Он спит и видит: черт унес весну  
И заложил, подействовав на нервы.

Потом встает и как луна идет,  
Идет по городу распутными ногами,  
Купается в ручье как идиот,  
Сидит в трамвае окружен врагами

И тихо, тихо шевелит рукой —  
Клешнею розовою в синих пятнах,  
Пока под колесом, мостом, ногой  
Течет река беспечно и бесплатно.

И снова нагло плачет. Как он смел  
Существовать, обиднейший из раков?  
И медленно жуя воздушный мел  
Слегка шуршать с солидностью дензнака.

А он жужжит и жадно верезжит  
Танцует, как холеная собака,  
Пока кругом, с вопросом на руках  
Сидят враги в ужасных колпаках.



## МУЗЫКАНТ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЛ

Скучающие голоса летали  
Как снег летает как летает свет  
Невидный собеседник был согласен  
(За ширмами сидели мудрецы)

А музыкант не нажимал педали  
Он сдерженно убийственно ответил  
Когда его спросили о погоде  
В беспечных сверхестественных мирах

Как поживают там его знакомства  
Протекции и разные курорты  
И как (система мелких одолжений)  
Приходит вдохновение к нему

А за роялью жалась и ревели  
Затравленные в угол духи звука  
Они чихали от ужасной стужи  
Валящей в белый холодильник дня

Они летали пели соловели  
Они кидались точно обезьяны  
Застигнутые облаками снега  
Залитые свинцовой водой

И медленно валились без изъяна  
В оскаленные челюсти рояля  
Затравлены рвались не разрываясь  
В блестящих деснах лаково лились

Вились впотьмах струились из фиала  
И боком пробегали точно рак.

## ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

(Жюлю Лафоргу)

С моноклем, с бахромою на штанах,  
С пороком сердца и с порочным сердцем  
Ехидно мним: планеты и луна  
Оставлены Лафоргом нам в наследство.

Вот мы ползем по желобу, мяуча.  
Спят крыши, как чешуйчатые карпы  
И важно ходит, завернувшись в тучу  
Хвостатый черт, как циркуль вдоль по карте.

Лунатики уверенно гуляют,  
Сидят степенно домовые в баках,  
Крылатые собаки тихо лают.  
Мы мягко улетаем на собаках.

Блестит внизу молочная земля  
И ясно виден искрометный поезд.  
Разводом рек украшены поля,  
А вот и море, в нем воды по пояс.

Вожатые забрали высоту,  
Хвост задирая как аэропланы,  
И на Венеру мы летим — не ту  
Что нашей жизни разбивает планы.

Синеет горный неподвижный нос,  
Стекло озер под горными тенями.  
Нас радость потрясает как поднос,  
Снижаемся с потухшими огнями.

На ярком солнце для чего огни?  
Но уж летят, а там ползут и шепчут  
Стрекозы-люди, бабочки они,  
Легки, как слезы, и цветка не крепче.

Вот жабы скачут, толстые грибы,  
Трясьясь встают моркови на дыбы  
И с ними вместе, не давая тени,  
Зубастые к нам тянутся растенья.

И шась-жужжать и шась-хрустеть, пищать,  
Целуются, кусаются — ну ад!  
Свистит трава как розовые змеи.  
А кошки! Описать их не сумею.

Мы пойманы, мы плачем, мы молчим.  
Но вдруг с ужасной скоростью темнеет.  
Замерзший дождь, лавины снежной дым.  
Наш дирижабль уже лететь не смеет.

Пропала насекомых злая рать,  
А мы, мы вытянулись умирать.  
Замкнулись горы, синий морг над нами.  
Окованы мы вечностью и льдами.



## КЛИО

Увы бегут Омировы преданья  
Ареевы решительные сны  
Улисовы загробные свиданья  
Еленины волосные волны

Все это будет не приподнимаясь  
Не возмущаясь уплывать туда  
Туда где руки белые ломая  
Танцует сон неведомо куда

Беспочвенно безветренно бесправно  
Падет твоя рука на крупный дождь  
И будет в мире тихо благонаравно  
Расти пустая золотая рожь

Скакать года как воробьи над калом  
И раки петить — сюда балда сюда  
Где изумрудный яд на дне бокала  
Танцует не предчувствуя вреда

## ОРФЕЙ

### 1

Солнце светит снег блестит не тая  
На границе снега ходит фея  
В золотых своих лучах блистая  
Слышен голос снежного Орфея  
Стеклянное время блестит в вышине  
Где я Далеко  
Я счастье рока  
Усталый приди ко мне  
К снежной руке прикоснись  
Покачнутся весы золотые  
Ты забудешь прошедшую жизнь  
Ты как лед просветлеешь на солнце  
Зимы неземной

### 2

Соколы тихо летят  
Солнце заходит  
Темная рябь над рекой  
Колокол бьет  
Время на пляже проходит  
Вечер уж там на свободе  
Белое солнце горит  
Трубы и шумы в народе  
Там Христос нам махает рукой и уходит  
В темную рябь над рекой  
Солнце заходит  
Соколы тихо улетают домой

## ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

Слишком жарко чтоб жить  
Слишком больно чтоб думать  
Руки липнут Зачем  
Слышишь голос дрожит  
Ах как больно и страшно вас слушать  
Как высок тот кто нем  
На высокой поверхности снега  
Утопая бились кусты  
Газ уходил в зеленое небо  
Руки долго ломали деревья

## У ПАРОМА

Кто вы там в лодке  
Мы летние духи  
Смотрим на флаги  
Слушаем синии дни  
Смех в отдаленьи  
Кто-то там в черные тучи  
Тихой походкой  
Вошел и упал на колени  
Море у ног  
Он одинок  
С белым ликом белее бумаги  
Он не сможет сдержать долгожданное счастье  
Солнце раскрылось  
Живите долго



## ДОЛГОВРЕМЕННОСТЬ СКВОЗЬ МГНОВЕНИЕ

Камень сквозь снег проступает  
Ночь проступает сквозь день  
Медленно день убывает  
Темнеет день  
Времени нам не хватает  
Слишком скоро усталость приходит  
Слишком рано темнеет  
И уже ночь  
Мы открыли бы страшные тайны  
Мы простерли бы души к звукам  
Мы коснулись бы черных рук  
Страшных дивных последних мук

## МНЕМОТЕХНИКА

Черное дерево вечера росло посредине анемоны  
Со сказочной быстротой  
Опять что-то происходило за границами понимания  
Изменялись окна стекла касались времени  
А за окном была новая жизнь  
Все меняло свое название как в те прошлые годы  
Железо улыбок звучало ударами дождевых лилий  
Потом все прошло и снова была ночь

## ДОПОТОПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АД

### 1

Зеленую звезду несет трамвай на палке,  
Народ вприпрыжку вырвался домой.  
Несовершеннолетние нахалки  
Смеются над зимой и надо мной.

Слегка поет гармоника дверей,  
В их лопастях запуталось веселье  
И белый зверь — бычек на новоселье —  
Луна, мыча, гуляет на дворе.

Непрошенные мысли-новобранцы  
Толпятся посреди казармы лет.  
Я вижу жалкого ученика при ранце,  
На нем расселся, как жокей, скелет.

Болтает колокольня над столицей  
Развязным и тяжелым языком.  
Из подворотни вечер белолицый  
Грозит городовому кулаком.

Извозчики, похожие на фавнов,  
Поют, махая маленьким кнутом.  
А жизнь твоя, чужая и давно,  
Цветет тяжелым снеговым цветком.

Пускай в дыму закроет пасть до срока  
Литературный допотопный ад!  
Супруга Лота, не гляди назад,  
Не смей трещать певучая сорока.

Как лязгает на холоде зубами  
 Огромный лакированный мотор!  
 А в нем, едва переводя губами,  
 Богач жует надушенный платок.

Шагают храбро лысые скелеты,  
 На них висят, как раки, ордена.  
 А в небе белом, белизной жилета,  
 Стоят часы — пузатая луна.

Блестит театр золотом сусальным,  
 Ревут актеры, тыча к потолку,  
 А в воздухе, как кобель колоссальный  
 Оркестр лает на кота-толпу.

И все клубится ядовитым дымом,  
 И все течет, как страшные духи,  
 И лишь во мгле, толсты и невредимы,  
 Орут в больших цилиндрах петухи.

Сжимаются как челюсти подъезды  
 И ширятся дома как животы,  
 И к каждому развязно по приезду  
 Подходит смерть и говорит на ты.

О нет, не надо, закатись, умри  
 Отравленная молодость на даче!  
 Туши, приятель, елки, фонари,  
 Лови коньки, уничтожай задачи.

О, разорвите памяти билет  
 На представленье акробатки в цирке,  
 Которую песок, глухой атлет,  
 Сломал в руках ,как вазочку иль циркуль.



## УЧИТЕЛЬ

Кто твой учитель пенья?  
Тот, кто идет по кругу.  
Где ты его увидел?  
На границе вечных снегов.  
Почему ты его не разбудишь?  
Потому что он бы умер.  
Почему ты о нем не плачешь?  
Потому что он это я.

## БЫЛ СТРАШНЫЙ ХОЛОД

Был страшный холод, трескались деревья.  
Снаружи сердце перестало биться.  
Луна стояла на краю деревни  
Лучем пытаюсь обогреть темницы.  
Все было тихо, фабрики стояли,  
Трамваи шли, обледенев до мачты,  
Лишь вдалеке, на страшном расстоянии  
Дышал экспресс у черной водокачки.  
Все было мне знакомо в темном доме,  
Изобретатели трудились у воронок,  
И спал, сраженный неземной истомой,  
В гусарском кителе больной орленок.

## О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Уход из Ялты . . . . .	5
Белое сияние . . . . .	7
Ектенья . . . . .	8
Память . . . . .	8
В лесу . . . . .	9
Напрасная музыка . . . . .	9
Бескорыстие . . . . .	10
Романс . . . . .	11
Молитва . . . . .	13
Поэзия . . . . .	14
Дни потопа . . . . .	15
Авиатор . . . . .	17
Рембрандт . . . . .	19
Весна в аду . . . . .	20
Комната во дворце Далай-Ламы . . . . .	21
На восток от Кавказа . . . . .	21
Армейские стансы . . . . .	22
В сумраке . . . . .	23
Ночлег . . . . .	25
Отступление . . . . .	26
Снежный час . . . . .	27
Вечерняя прогулка . . . . .	28
Поэт из Монтовидео . . . . .	29
Кладбище под Парижем . . . . .	30

	Стр.
Эпитафия . . . . .	31
Лета . . . . .	31
Близится утро, но еще ночь . . . . .	32
Путешествие в неизвестном направлении . . . . .	34
Раскаяние . . . . .	35
Возвращение в ад . . . . .	36
Танец Индры . . . . .	38
По ту сторону Млечного Пути . . . . .	38
Черный и белый . . . . .	39
На границе . . . . .	40
Невероятный случай . . . . .	41
Жизнеописание писаря . . . . .	42
Музыкант ничего не понимал . . . . .	43
Другая планета . . . . .	44
Клио . . . . .	46
Орфей . . . . .	47
Ледниковый период . . . . .	48
У парома . . . . .	48
Долговременность сквозь мгновение . . . . .	49
Мнемотехника . . . . .	49
Допотопный литературный ад . . . . .	50
Учитель . . . . .	52
Был страшный холод . . . . .	52



ОТПЕЧАТАНО В ПАРИЖЕ  
30 ИЮНЯ 1965 Г. В ТИПОГРАФИИ  
СЕРГЕЯ БЕРЕЗНЯКА

— IMPRIMERIE BERESNIAK —  
18-20, RUE DU Fg DU TEMPLE  
————— PARIS-11° —————

**СКЛАД ИЗДАНИЯ:**

**N. TATISCHEFF, 5, Passage du Buisson St.-Louis - Paris-10<sup>e</sup>**